

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
ЮЖНОРУССКОГО НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ
В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ
СУХОЙ/ВЛАЖНЫЙ)**

Т.В. Махрачева¹, В.А. Головашин²

*Кафедра русского языка Института филологии ТГУ им. Г.Р. Державина (1);
кафедра «Связей с общественностью», ТГТУ (2)*

Представлена членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым

Ключевые слова и фразы: лексико-семантическая парадигма; народный календарь; сухая молния; пост; человек, соблюдающий пост.

Аннотация: Рассматривается лексико-семантическая парадигма сухой/влажный на примере народного календаря, дистрибутивные отношения дериватов корня *сух-/суш-* в контексте духовной культуры. Демонстрируются лексическая закреплённость и семантическая мотивированность продуктивности корня, сформированная и обусловленная в крестьянском сознании традицией и укладом русского народа. Богатый полевой и архивный материал по южнорусским губерниям позволяет раскрыть культурные коннотации, мифологические мотивации и символику лексического пласта народного календаря.

Для жизни каждого социума присущи «свои» важные биологические, исторические, социальные, культурные процессы, события, действия, которые отражаются, маркируются в его сознании, побуждая представителей социума к активному словотворчеству. Словотворческий же акт «...определённым образом организует смысловое пространство языка, обуславливая отбор значимых фактов и устанавливая наличие между ними связи» [1]. Один из таких «значимых фактов» для жизнедеятельности человека (да и вообще всего живого) заключён в понятии «вода (влага)», которое в традиционной народной духовной культуре, как правило, представлено в виде оппозиции влажный-сухой. Лексика с корнем *сух-/суш-*, маркирующая оппозиит «влажный» отличается необыкновенной частотностью и продуктивностью. Лексико-семантическая дистрибуция этого корня в контексте народной духовной культуры обуславливается (формируется) не столько с позиции биопроцессов, сколько с учетом традиций, устоев общества, его этических норм и системы духовных ценностей. Образую своего рода парадигму, в основу которой положен дифференцирующий признак – отсутствие необходимого (допустимого) количества влаги (то есть ниже установленной нормы), лексика с упомянутым корнем пронизывает большинство тем сферы духовной культуры. Фактор снижения, отступления от нормы стимулирует и мотивирует появление лексем с модусным (то есть вторичным, дополнительным, контекстуальным) значением. Наиболее ярко, пожалуй, это явление можно наблюдать в темах, связанных с народной метеорологией, медициной, календарем и циклом семейных (в частности, погребально-поминальном) обрядов.

Появление дериватов с корнем *сух-/суш-* в народной метеорологии закономерно и свидетельствует о длительном (нехарактерном для данной климатической зоны) отсутствии осадков. Объединённые общим контекстом (в рамках народной метеорологии) слова: *сушь* [2], *сушák*, *засух*, *сухотá*, *сухмённый*, *сухмёнъ*, *сухорóсица*, *сухорóсо* и т.п. актуализируют и репродуцируют основную сему

“очень сухой, засушливый” (то есть без воды или с небольшим количеством воды, но обязательно ниже нормы): [ну / *п’р’ав’ил’н’ь / пат’м’у шт’ с’уш бы’ва’ј’ьт с’ил’н’ь’ь / и з’гар’а’ј’у’ц’ь д’ж да’ма / и л’ас’а / нав’э’рн’ь / п’там’у шт’ так’о’ј’ь п’р’ьт’а’жэн’и’ј’ь уж’ь ид’о’т к з’ам’л’е //*] (с. Красивка, Инжавинский р-н, Тамбовская обл., Иванова Любовь Васильевна, 1934 г.р., местная, запись авторов 2002 г.); [ну / *как хад’ил’и тады // ф сухат’у // кагда даж’жы / хад’ил’и / кагда дол’г н’эт //*] (с. Знаменка, Никифоровский р-н, Тамбовская обл., Проскурякова Мария Афанасьевна, 1906 г.р., местная, запись авторов 2002 г.).

Наряду с указанными, слова с корнем *сух-/суш-* образуют и соответствующие словосочетания. **Сухая молния и сухой гром** [3] “гром и/или молния без дождя”: [(Как называется молния и гром без дождя? – прим. авторов) *г’р’ом / и дажд’а // н’и дажд’а / а сух’о’ј’ь н’зы’ва’ј’ь’ц’ь / гвар’ит’ / сух’а’ј’ь молн’и’ј’ь / сух’а’ј’ь молн’и’ј’ь / н’ь бы’ва’ј’ьт до’шт’ // а в’эт и’ас г’р’ом п’р’э’р’им’ит’ / и молн’и’ј’ь / а гвар’ит’ / о’ј’ / гвар’ит’ / г’л’ан’ / н’ь сух’у’ј’у / сух’а’ј’ь / гвар’ит’ / молн’и’ј’ь / и г’р’ом сух’о’ј’ь // ну / н’эт дажд’а / а п’р’ост’ь / гвар’ит’ / сух’а’ј’ь // в’эт так’ ј’а слы’шь / п’р’ост’ь ј’а ф сл’ух’ь / н’и зн’а’ј’у / к’к н’зы’ва’ј’ь’ц’ь //*] (с. Керша, Рассказовский р-н, Тамбовская обл., Болтунова Мария Николаевна, 1947 г.р., местная, запись авторов 2003 г.); [н’зы’ва’л’и сух’а’ј’ь молн’и’ј’ь / г’ра’а ид’о’т’ / а дажд’а н’эту / и т’у’ч’к’ь ч’о’рн’ь’ь дал’жн’а быт’ / а вады н’эт / да / сух’а’ј’ь молн’и’ј’ь н’зы’ва’ј’ь’ц’ь //] (с. Волоотово, Лебедянский р-н, Липецкая обл., Шестаков Алексей Макарович, 1931 г.р., местный, запись авторов 2004 г.). **Сухая гроза** “гроза без дождя”: [(Как называется молния, гром без дождя? – прим. авторов) *сух’а’ј’ь н’зы’ва’ј’ь’ц’ь //* (что именно называется сухим? – прим. авторов) *сух’а’ј’ь г’ра’а // в’эт кагда г’р’ом г’р’им’ит’ / и молн’и’ј’ь / эт’ и н’зы’ва’ј’ь’ц’ь сух’а’ј’ь г’ра’а //*] (д. Беклемищево, Рассказовский р-н, Тамбовская обл., Кузнецова Нина Павловна, 1931 г.р., местная, запись студентки ТГУ Кривенцевой Д.Н. 2003 г.). **Сухая буря** “гроза без дождя”: [(Как называется молния, гром без дождя? – прим. авторов) *б’ур’ь сух’а’ј’ь / сух’а’ј’ь // да / сух’а’ј’ь // кагда в’ит’ь’р г’р’им’ит’ / а б’из’до’ж’к’ь / б’ьс ф’с’ив’о //*] (с. Дмитриевщина, Рассказовский р-н, Тамбовская обл., Черникова Аксинья Егоровна, 1914 г.р., местная, запись аспирантки Чемерчевой А.А. 2003 г.). Но особенно любопытным нам представляется словосочетание **сухой дощ** в значении “гроза без дождя”, поскольку представляет собой оксюморон: [(Как называется молния, гром без дождя? – прим. авторов) *сух’о’ј’ь / сух’о’ј’ь до’щ / сух’о’ј’ь до’щ //* (явление оценивается как положительное или отрицательное? – прим. авторов) *пл’о’х’ь / до’ч’к’ь / и’ас х’то ј’и’ј’о’ зн’а’ит’ / к’к эт’ мо’жн’ь ска’з’ат’ //*] (с. Коптево, Рассказовский р-н, Тамбовская обл., Рослякова Мария Васильевна, 1923 г.р., местная, запись аспирантки Чемерчевой А.А. 2003 г.). Фразеологизм **сухая ненастья**, применимый к кричащему петуху, “способному разгонять дождь”, по мнению жителей, возникает под влиянием «образа» петуха, бытующего в народной среде [4]: [*в’эт нач’н’о’т п’ит’ух к’р’ич’ат’ / к’р’ич’ат’ / во’т ви’и / к’р’ич’ат’ / да во’т б’уд’ьт к’р’ич’ат’ / эт’ сух’а’ј’ь н’ин’ас’т’ј’а // к’р’ич’ат’ / эт’ н’зы’ва’ј’ь’ц’ь сух’а’ј’ь н’ин’ас’т’ј’а // ну / нач’н’о’м аб’л’ив’а’ц’ь //*] (с. Семеновка, Петровский р-н, Тамбовская обл., Филимонова Варвара Дмитриевна, 1939 г.р., местная, запись авторов 2002 г.). **Сухая роса** “малое количество росы”: [*када раса сильн’я, то нагод’ь ясн’я будит, а када раса сух’я – эт’ г дажд’ю //*] [5].

Продуктивность (и частотность) корня *сух-/суш-* становится ярче на фоне «дефективности» номинаций, отражающих временное (нормативное) отсутствие осадков – **бездожде**: [*ма’м’ь рас’ка’зы’вь’ль / ф ц’эр’к’в’и служ’ыл’и мал’эб’ьн’и’л’ј’у прар’о’ку / кат’ор’ы’ј’ь в’эт п’к’рав’ит’ь’л’ ад б’из’до’жд’и’ј’ь / и ат н’бар’о’т / до’шт’ / с’ил’н’ь’ь зал’ј’о’т //*] (с. Ярославка, Никифоровский р-н, Тамбовская обл., Шелест Галина Александровна, 1947 г.р., местная, запись авторов 2002 г.).

В теме народного календаря дериваты корня *сух-/суш-* семантически тождественны понятию, связанному с постом (где пост воспринимается прежде всего как ограничение, в том числе и в пище), и фигурируют в крестьянской среде наряду с церковнославянской лексикой. **Сухое** “постная пища”: [*сух’о’ј’ь а гат’ов’ил’и на по’ст / н’ь пам’ин’к’и // п’ик’л’и б’л’ины / но’ н’и б’ил’и ј’а’ј’ь / ры’бу ж’ар’ил’и с*

масълъм в луч'к'ъ // (д. Шилово, Бондарский р-н, Тамбовская обл., Хвылина Вера Тимофеевна, 1908 г.р., местная, запись авторов 1995 г.); [*вот с'ичас п'атрѳ / щас п'атрѳкъ / скарѳмнѳ'ъ н'и ј'ад'ат' / сухѳј'ъ / пас'т'ацѳ / ну вѳт щас п'атрѳка вѳт бѳд'ит двацѳтъвѳ / двѳцѳт' фтарѳвѳ / нав'эрнѳ / бѳд'ъ п'атрѳф д'эн' / п'атрѳф д'эн' / вѳт пѳј'д'ѳт' спѳсѳфкъ / вѳт спѳсы тѳм бѳдут / и ф'с'ѳ //*] (с. Новосолдатка, Репьевский р-н, Воронежская обл., Назенцева Феоклиста Тихоновна, 1916 г.р., местная, запись авторов 2004 г.). *Сухѳй стол* “поминальный стол в день похорон, приходящийся на период поста” (Тамб.). *Сухѳвѳря* “сухая, постная пища” (Курск.) [6]. *Сухѳя похлебка* “суп, не содержащий мяса и жиров; постный суп”: [*у вѳйну какѳя ядѳ была – сухѳя пахлепка толькѳ, мясѳ-тѳ не была //*] (Орл.) [7]. *Сухѳядѳние* “самый строгий пост, без варева”. Функционируя параллельно нормативной (церковнославянской) лексике (ср.: *постная пища*), дериваты противопоставляются внутри темы понятию, релевантному для нее: сухое(постное)-мокрое(скоромное, воложное): *Зѳяц сухѳядѳец, а лѳса воложнѳца* [8]. *Сухѳ'ядѳец* “человек, соблюдающий пост” (Тамб., Ряз.). Основная сема участвует и в образовании хронимов, например, *Сухѳой Иван* (вар.: *Иван Постный, Иван Крѳститель, Иван Предтеча*) “11 сентября”. В течение этого дня соблюдается запрет на употребление в пищу всего круглого: капусты, хлеба и т.п.: [*дѳ / ѳтѳ нѳзывѳј'ѳцѳ / кък ј'авѳ / дѳжѳ икѳнѳ у м'ин'ѳ былѳ такѳј'ѳ / н'и хѳжѳ / д'эржѳйт' тар'ѳлку / а нѳ тар'ѳлк'ѳ гѳлавѳ // вѳт капѳсту н'и ј'ѳл'и / крѳгѳлѳј'ѳ / дѳ // ивѳн пѳснѳј' / сухѳј' / сухѳј' штѳ л'ѳ / ј'ѳ уж забылѳ // дѳ / ѳтѳ былѳ так //*] (с. Песковатка, Петровский р-н, Тамбовская обл., Кукина Мария Митрофановна, 1918 г.р., местная, запись авторов 2002 г.); *сухие дни* (вар.: *сухѳя среда и пятнѳца* [9]) “соответствующие дни недели, в которые необходимо было выдерживать пост, воздавая должное мукам Иисуса Христа”: [(Соблюдается ли в Вашем селе запрет разговляться в среду, пятницу? – прим. авторов) *Пѳтамѳ штѳ сухѳј' д'эн' //* (поясните выражение «сухой день» – прим. авторов) *вѳт с'ѳр'идѳ / п'ѳт'н'ицѳ / н'и пѳлѳжѳнѳ ј'ѳс'т' / н'и жѳырнѳвѳ / н'ѳ мѳлакѳ / н'ич'ѳ н'ил'з'ѳ / сухѳј' д'эн' / н'ѳ пѳлѳжѳнѳ //* (запрет употреблять в пищу жирное распространяется на эти дни недели в том случае, когда они совпадают с постом? – прим. авторов) *н'ѳт / вѳт ф п'ѳт'н'ицѳ / и с'ѳр'идѳ л'ѳд'и н'ѳ скарѳм'ѳцѳ //*](с. Тынково, Петровский р-н, Тамбовская обл., Протаева Анна Ивановна, 1929 г.р., местная, запись авторов 2002 г.).

Представление о здоровье, а следовательно и красоте, в крестьянской среде долгое время связывалось с полной, *тѳчнѳй* фигурой, объемами (*стоит как сноп* – удовлетворенно говорили старики о женщине, которая природную дородность дополняла обилием праздничной одежды: несколькими юбками, кофтами, *запанѳми* и т.д.). Худоба же, сухость тела, напротив, считались признаком болезненного состояния. В связи с этим становится логичным соотношение этих параметров с недугом, болезнью и доминирование номинаций (терминов) в народной медицине с корнем *сух-/суш-*. Проиллюстрируем наш тезис. *Сухѳя стѳнь* “1. чахлость, болезненность”: [*сухѳј'ѳ с'т'ѳн' / вѳт ч'ѳлав'ѳк / сухѳј' ѳн / ч'ѳ ты / кък сухѳј'ѳ т'ѳн' // ты далжнѳ и ј'ѳс'т' / нѳ / далжнѳ ап'ит'ит // вѳн у нѳс / вѳн / вѳн с'ид'ит нѳ п'ич'ѳ // анѳ н'и ј'ѳс'т' / н'и ј'ѳлѳ // нѳ / как жѳ / а ј'ѳс'т' ап'ит'итнѳј'ѳ д'ѳвѳч'к'и / пѳлн'ѳн'к'ѳј'ѳ / ан'ѳ ф'с'ѳ б'арѳт' ј'ѳс'т' в рѳт / ф'с'ѳ гѳлѳдн'ѳн'к'ѳј'ѳ врѳд'ѳ / а ѳтѳ так //*] (с. Перехваль, Данковский р-н, Липецкая обл., Меляева Екатерина Ивановна, 1914 г.р., местная, запись авторов 2004 г.). *Сухѳя стѳнь* “2. туберкулез легких”: [*нѳхарѳшѳ ѳтѳ болѳзнѳ сухѳя стѳнь-тѳ / как зѳбѳлѳитѳ ѳй чѳлавѳк / сѳйдѳтѳ с лѳца вѳсѳ / ни ѳстѳ / ни пѳетѳ / толькѳ кашлѳитѳ / ат нѳе многѳи пѳмирѳли //*] (Моск.) [10]. *Сухѳя стѳнь* “3. atrophia infantium в последнем периоде ее развития (в народе получила название *собачья старость*)”: [*ѳтѳ сухѳј'ѳ с'т'ѳн' / сухѳј'ѳ с'т'ѳн' // ј'ѳ н'и знѳј'у / был р'ѳб'ѳнкѳ / у ан'ѳтк'и у карпѳшѳнѳј'ѳ / анѳ рѳд'ѳлѳ / пѳшк'и къвал'ѳрѳвѳ двѳј'ѳрѳднѳј'ѳ брѳт / анѳ выхѳд'ѳлѳ зѳ н'ѳвѳ / но ѳн мал'ѳн'къ вѳт такѳј'ѳ вѳт // и анѳ рѳд'ѳлѳ ат н'ѳвѳ р'ѳб'ѳнкѳ / и на н'ѳм сухѳј'ѳ с'т'ѳн' // знѳј'ѳш / на н'ѳм п'рѳм вѳлас'ј'ѳ вѳт такѳј'ѳ были / в'ѳс' / как в махѳ //*] (с. Требунки, Данковский р-н, Липецкая обл., Солдатова Наталия Ивановна, 1924 г.р., местная, запись студентки ТГУ Кривен-

цевой Д.Н 2004 г.). Это же атрофическое состояние детей (собачья старость) в народной среде может именоваться *сухоткой*, а человек больной ею – *сухотником*. *Сушец* “чахлость, чахотка(?)” [11]: [есть *сушец* / это ребенок рождается / не идет на поправку / сохнет и сохнет / и вот его одевают в хорошее / этого я не делала / а слышала // значить / растут два дерева и промежду этих деревьев с молитвой его три раза протащут / и это белье самое лучшее / оставляют у этого дерева //] (ВпФА; с. Медвежье, Семилукский р-н, Воронежская обл., Болдина Наталья Степановна, 1924 г.р., местная, запись студентки 3 курса ВГПУ Киселевой М., 1998 г.) [12]. Следует отметить, что в сфере народной медицины, как правило, нет жесткой закреплённости номинации (терминологической строгости) за определенной болезнью, поэтому «родственные» (близкие, сходные по симптомам) заболевания могут иметь идентичные названия, например, *сухотка* обозначает атрофическое состояние детей наряду с чахоточным (ср.: *У него в кармане чахотка, в сундуке сухотка*). Эта же номинация употребляется и в более широком значении – болезнь от истощения, или непомерная худоба, болезненное изнурение (ср.: *Нападет сухотка, так не отъешься* [13]) и т.п.

Сосуществуя в неразрывном единстве с окружающим миром, являясь его неотъемлемой частью в настоящее время, человек невольно воспринимает окружающий мир через призму своего «человеческого» взгляда, осмысливая и оценивая его, отводя себе не последнее место в нем. Антропоцентрический подход, когда «...человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений...», по словам Е.С. Кубряковой, способствует формированию аксиологической системы, определяя ее параметры, включая в нее значимые понятия (концепты). Как любое отступление от нормы (к каковым относится и наш случай), оно (понятие) может быть истолковано в народной среде как с позиции позитива, так и резкого негатива. Ср.: пословицу общерусского характера *выйти сухим из воды* “о пронырливом, хитром человеке”; *сухорукий* “неловкий, неумелый в работе”: [у *сухаруких* людей в хазяйстве все плохо //] (Орл.) [14]; *сухушка* “прозвище худой женщины”: [сходи к *Сухушке* и соли *пыраси* //] (Орл.) [15]. Фразеологизм *сушить ноги* “сидеть дома, сказавшись больным (то есть лукавить, хитрить)” и т.п. В позитивном отношении употреблению слов с корнем *сух-/суш-* присущ также оттенок “слишком, чрезмерно много”: *сухотливый* “заботливый, старательный”: [глянь-кь, до чево *сухотливый*, и просить не надь, фсе сам зделает //] (Моск.) [16].

Жизнь и деятельность человека, тесно связанная с водой (дождем), нашла свое отражение и в топонимах, а также в своеобразном фольклорном жанре – топонимической легенде. Именно в ней отражается «...особый ономастический взгляд народа на географические названия (...деревень, поселков, рек, озер...), то, что называется народной этимологией или народным мифотворчеством» [17]. Ей (то есть топонимической легенде) удается выступать в статусе хранителя региональной (локальной) культуры. Приведем пример. На территории Воронежской области в топонимических легендах (с корнем *сух-/суш-*, например, *Сухие Гаи*, *Сухая Березовка*, *Сухой Донец* и др.) отчасти запечатлен и репродуцируется этап освоения и заселения южнорусской территории. Народная память удерживает две легенды, мотивирующие происхождение топонима *Сухой Донец* Богучарского района: «Императрица Екатерина хотела подарить эту землю своему фавориту. Но крестьяне воспротивились и заткнули источник овечьей шерстью. Донец пересох. С тех пор стали называть это место Сухой Донец» (ВпФА) [18].

Примечания

1. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – С. 11.
2. Любопытно отметить, что противопоставление мокрый(дождливый)-сухой в метеорологии (характерное не только для русских, но и для славян в целом) образует своеобразную канву темы, способствуя созданию поэтических и мифологических образов, в которых так или иначе фигурирует интересующий нас корень (или присутствует его семантика). Так, в работе А.Н. Афанасьева «Древо жизни» мы обна-

руживаем сведения о том, что в станице Уваровской на берегу Иртыша есть пещера, в которую скрылся явившейся из реки огненный змей, и там, где он полз, на траве остался выжженный след. А.В. Гура сообщает что: «В северно-западной Болгарии первоначально двойственный персонаж распадается на два с противоположными функциями: свой змей, покровитель, и чужой, вызывающий засуху, который подвергается изгнанию, например *змей дъждевник* и *змей от суша* ((См.: А.Н. Афанасьев. *Древо жизни. Избранные статьи. Подготовка текста и коммент.* Ю.М. Медведева, вступит. статья Б.П. Кирдана. – М., 1982 (Библиотека «Любителям российской словесности»). – С. 258; А.В. Гура. *Символика животных в славянской народной традиции.* – М.: Издательство «Индрик», 1997. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования). – С. 291)).

3. Необычность метеорологического явления, *сухой молнии*, обыгрывается в ряде поверий, одно из которых гласит, что она палит хлеб в цветку и наводит ржу на травы (см.: В. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка.* – Москва, 1955. – Т. 4. – С. 366).

4. Жители центральных районов Тамбовской области твердо верят, что красный петух, увиденный во сне, предвещает пожары: [(Что предвещает красный петух, увиденный во сне? – прим. авторов) *а ва с'н'э красньвъ п'итуха / этъ пажар // да / пажар //*] (с. Коптево, Рассказовский р-н, Рослякова Мария Васильевна, 1923 г.р., местная, запись аспирантки Чемерчевой А.А. 2003 г.). В западных же районах области (Петровский, Никифоровский р-ны) и в наши дни сохраняется обряд, который осуществляется в засуху: красного петуха принято было «курнать» в кадке с водой и подбрасывать, чтобы вызвать дождь: [*ф прошилъм гаду / кагда была засухъ / нам сказа́л'у / ну́жнъ паж'ма́т' красньвъ п'итуха / и ф кадушк'ъ икупат' j'во // у каждъвъ домъ стај'ал'и тагда катк'у бал'иш'ь / вът вадој' ани нпалн'ал'ис' // ну / и р'иб'ат'ишк'у паж'ма́л'и п'итуха у адној' т'отушк'у / ган'ал'ис' на ф'с'эм картбишк'м / паж'ма́л'и д'н'ом п'итуха // ч'илав'эк 15 д'ит'ишк' сбралос' / ган'ал'у / ган'ал'у / гд'ь картбишк' была / ф'с'у уката́л'у / (был ли в этот день дождь? – прим. авторов) икупал'у / а как жъ / икупал'у //*] (с. Стеньшино, Петровский р-н, Еремеева Раиса Яковлевна, 1932 г.р., местная, запись авторов 2002 г.). Интересно отметить, что жители восточных районов (в частности, Инжавинского) причину засухи усматривали в пении петуха: [(Принято ли было в Вашем селе «купать» петуха, чтобы вызвать дождь? – прим. авторов) *как жъ / купал'у // дажъ н'и то / итъ купал'у / дажъ вът / гъвар'ит' / он плач'ят' / п'итух / да / этъ тучку разгон'ит' / давај' j'аво скар'эј' / дъ вът в эту / дъ п'ят калонку / ил'и вану нал'ош / да он в вану / ит'о ты // вът дошит' / дожд'ик ръзан'ај'ят' (поясните выражение «петух плачет»)? – прим. авторов) ну / паж'от' // ну / как / паж'от' // (принято ли считать, что громкое пение петуха разгоняет тучи, дождь? – прим. авторов) да / дожд'ик // ој' / ој' / г'л'ан' / кък рас'н'элс'у / знач'ит / дожд'ик ръзан'ај'ят' // давај'т'ъ этъ / лав'ит' / этъ / лав'ит' // вът этъ была // вът этъ вът былъ (Принято ли было подкидывать петуха после «купания»? – прим. авторов) а как жъ / да он сам / н'и успеј'иш j'аво / он л'ит'ит' / и крыл'ј'ем'и тол'къ вът разбрызг'ивъј'ят' // ој' / дожд'ик паж'д'от' // дошит' // г'л'ад'иш / и правдъ паж'д'от' / кагда можът' быт' и н'эт / а кагда правдъ паж'д'от' // вът так //*] (с. Галиновка, Инжавинский р-н, Топлевина Мария Никитична, 1930 г.р., местная, запись авторов 2002 г.)

5. Словарь орловских говоров. – Орел, 2003. – С. 158.

6. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва, 1955. – Т. 4. – С. 366.

7. Словарь орловских говоров. – Орел, 2003. – С. 158.

8. На южнорусских территориях лексема *воложный* трактуется как жирный, масляный, сдобный, скоромный, а также вкусный, лакомый.

9. В. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка приводит загадку, в которой словосочетание *сухая пятница* приобретает метафорическое значение: *Сухая пятница кости грызет* (чесалка, гребень) (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва, 1955. – Т. 4. – С. 366).

10. А.Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. – М., 1969. – С. 501.
11. В верхнелужицких диалектах этимологически закрепляется семантика “чахотка, сухотка” – *suš* (Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13.560 слов: Т. 1-2. – М.: Рус. яз, 1993. – Т.2. – С. 220*).
12. Авторы статьи выражают глубокую признательность ректорату и заведующей кафедрой общего языкознания Воронежского государственного педагогического университета, доценту А.Д. Черенковой за любезно предоставленные материалы картотеки, которые используются в данной статье (ВпФА – Воронежский государственный педагогический университет, фоноархив).
13. Подробнее см.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва, 1955. – Т. 4. – С. 366.
14. Словарь орловских говоров. – Орел, 2003. – С. 159.
15. Словарь орловских говоров. – Орел, 2003. – С. 160.
16. А.Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. – М., 1969. – С. 501.
17. Ковалев Г.Ф. Ономастические исследования в изучение родного края // Афанасий Матвеевич Селищев и современная филология: Материалы Всероссийской научной конференции 24-26 сентября 2003 г. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2003. – С. 144.
18. Позволим себе привести еще один вариант топонимической легенды, широко бытующий на территории данного региона: «Давным-давно жили здесь крестьяне. Держали хозяйство, обрабатывали землю, орошали водой из соседней речушки – Донец. Но на этих землях решил поселиться помещик. Крестьяне не могли допустить этого и заткнули источник овечьей шерстью. Речка пересохла» (*Из доклада на тему «История села Сухой Донец Богучарского района Воронежской области», студентов 3 курса 2 группы филологического факультета Воронежского государственного педагогического университета Бельх Т.А. и Незнамовой О.В., подготовленный и выполненный в 2000 году под руководством заведующей кафедрой общего языкознания, доцента А.Д. Черенковой*). Наряду с упомянутыми топонимами, на территории Воронежской области встречаются и гидронимы с корнем *сух-/суш-*, также имеющие региональную привязку к конкретным историческим событиям, быту воронежцев. Например, гидронимы **Сушилка** и **Сухая Хворостань**, которые обыгрываются в местных легендах: «Существует специальное название для двух прудов. Один из них, Сушилка, назван так потому, что здесь было строение, где сушили лечебные травы...». Вторая легенда повествует: «В селе протекает река **Сухая Хворостань**. На начальном этапе заселения она называлась Фарасань с пришествием хана на эту местность... В связи с мельчанием реки Хворостани, прибавилось прилагательное сухая...» (*Доклад «Микротопонимия села Каширское, Каширского района, Воронежской области» подготовлен и выполнен студенткой 3 курса, филологического факультета Воронежского государственного педагогического университета Стяжковой Н.В в 2003 г. под руководством заведующей кафедрой общего языкознания, доцента А.Д. Черенковой. С. 2*).

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. Подготовка текста и коммент. Ю.М. Медведева, вступит. Статья Б.П. Кирдана. – М., 1982 (Библиотека «Любителям русской словесности»). – С. 258.
2. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – С. 11.
3. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Издательство «Индрик», 1997. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования). – С. 291.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва, 1955. – Т. 4. – С. 366.
5. Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. – М., 1969. – С. 501.
6. Ковалев Г.Ф. Ономастические исследования в изучение родного края // Афанасий Матвеевич Селищев и современная филология: Материалы Всероссийской

ской научной конференции 24-26 сентября 2003 г. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2003. – С. 144.

7. Словарь орловских говоров. – Орел, 2003. – С.158.

8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13.560 слов: Т. 1-2. – М.: Рус. яз, 1993. – Т.2. – С. 220.

Lexical-Semantic Interconnections of Southern Russian Calendar in the Context of Spiritual Culture (on the Example of Opposition Dry-Damp)

T.V. Makhracheva¹, V.A. Golovashin²,

Department of the Russian Language, Institute of Philology,

TSU after G.R. Derzhavin (1);

Department of Public Relations, TSTU (2)

Key words and phrases: lexico-semantic paradigm; folk calendar; dry lightning; fast; person keeping to fast.

Abstract: Lexico-semantic paradigm dry/damp on the example of folk calendar, distributive relations of the root *suh-/sush* derivatives are studied in the context of spiritual culture. Lexical impaction and semantic motivation of the root productivity which is formed in peasants' minds due to traditions and customs of Russian people are shown. Rich field and archival material on Southern Russian provinces enables to reveal cultural connotations, mythological motivations and symbols of lexical layer of folk calendar.

Lexikal-semantische Wechselbeziehungen des südrussischen Volkskalenders im Kontext der geistigen Kultur (auf dem Beispiel der kulturologischen Opposition trocken/feucht)

Zusammenfassung: Es wird die lexikal-semantische Paradigma trocken/feucht auf dem Beispiel des Volkskalenders betrachtet. Es sind die Distributionsbeziehungen der Derivate der Wurzel trocken-/sush- im Kontext der geistigen Kultur gezeigt. Es werden die in das bäuerliche Bewußtsein von der Tradition und der Lebensweise des russischen Volkes formierte und bedingte lexikalische Fixierung und die semantische Motivierung der Produktivität der Wurzel demonstriert. Das reiche Archivmaterial nach den südrussischen Gebieten läßt zu, kulturelle Konnotationen, mythologische Motivationen und die Symbolik der lexikalischen Schicht des Volkskalenders aufzudecken.

Interactions lexicales et sémantiques du calendrier populaire de la Russie du Midi dans le contexte de la culture spirituelle

Résumé: Est envisagé le pradigme lexique et sémantique «sec – humide» à l'exemple du calendrier populaire. Sont aussi envisagées les relations distributives des dérivations de la racine des adjectifs russues correspondants dans le contexte de la culture spirituelle. Sont démontrées la valeur lexique et la motivation sémantique de la productivité de la racine qui sont formées sous l'influence des traditions paysannes et des coutumes du peuple russe. Le riche matériel factologique permet de montrer les connotations culturelles, les motivations mithologiques et les symboles du lexique du calendrier populaire.
